

ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ

1

19 36

НАРКОМПРОС ~ УЧПЕДГИЗ

Т. Г. МОРОЗОВА

ПОРТРЕТЫ ФУТЛЯРНЫХ ЛЮДЕЙ

оздание трилогии — «Человека в футляре», «Крыжовника» и «О любви» (1898 г.) — падает как раз на тот период, когда передовая интеллигенция была охвачена ростом радикально-демократических настроений. И рассказы, составляющие эту трилогию, очень хорошо отражают под'ем в настроении передовой интеллигенции, выразившийся в постановке острейших вопросов общественного порядка и личного поведения в современном обществе, и всю половинчатость в их разрешении, свой-

ственную мелкой буржуазии.

«Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви» тесно связаны между собой. Построены они в виде рассказов, передаваемых друзьями друг другу во время охоты: в «Человеке в футляре» учитель Буркин рассказывает ветеринарному врачу Ивану Ивановичу о своем коллеге — учителе греческого языка Беликове; возбужденный выслушанным, Иван Иванович хочет рассказать Буркину «одну поучительную историю», что и осуществляет на следующий день, во время ночевки в доме помещика Алехина; рассказанное Иваном Ивановичем о своем брате составляет вторую часть трилогии — рассказ «Крыжовник»; наконец, пользуясь случайным поводом, на третий день помещик Алевин рассказывает историю своей неудавшейся любви; это образует последнее звено трилогии — новеллу «О любви». Каждая из частей трилогии имеет свою рамку, оформляющую рассказ и представляющую с ним композиционное единство.

Но «Человек в футляре», «Крыжовник» и «О любви» представляют собой единое целое, подлинную трилогию, не только потому, что там выступают в качестве рассказчиков или персонажей одни и те же лица, не только потому, что они имеют сходное внешнее построение, но и по близости темы и по единой и идейной устремленности.

«Человек в футляре» — это рассказ о человеке, который давил живую жизнь и проявления живой человеческой личности нелепым страхом перед существующими и несуществующими опасностями и все запросы свободной и полной жизни, свои и окружающих, одел в тесный футляр «дозволенного начальством».

«Крыжовник» — это рассказ о таком же футлярном человеке, который, «заперев себя в усадьбу», превратил свою жизнь «в монашество

без подвига», спрятался от «житейского шума и борьбы» и свел свое первоначальное стремление — «на волю» — к жалкому и пошлему удовлетворению крохотным счастьем собственника.

«О любви» — это маленькая повесть о том, как неглупый и неплохой человек свое глубокое и сильное чувство к женщине поставил в рамки соображений «о грехе и добродетели», «о счастье или несчастье», стал думать о том, «к чему поведет его любовь», и не сумел вывести свое чувство из ложного, с точки зрения автора, «футляр» рассуждений.

Одним словом, все три произведения посвящены людям, сузившим, приизившим свою человеческую личность, извратившим самое понятие жизни и счастья, не давшим свободно развернуться тому, что, с точки зрения автора, составляет подлинную жизнь.

Одинакова и идейная устремленность рассказов — резкое осуждение изображенных «героев».

Однако, несмотря на очень большую тематическую и идейную близость всех трех рассказов, в каждом из них разрабатывается своя особая конкретная тема. «Человек в футляре» дает наиболее обобщенный, наиболее широкий символ запутанного, дрожащего интеллигента-обывателя; новелла «О любви» трактует тему любви; в рассказе «Крыжовник» поставлена проблема об удовлетворительности мелкобуржуазного, эгоистического идеала жизни для развития человеческой личности и о допустимости его в данных общественных условиях.

Эта проблема развивается на материале рассказа Ивана Ивановича о своем брате Николае Ивановиче, мечтавшем из казенной палаты вырваться в деревню, «на волю», и осуществившем свою мечту путем покупки собственной усадьбы.

Автор, словами рассказчика, резко и определенно заявляет свое осуждение стремлений Николая Ивановича: «...этому желанию запретить себя на всю жизнь в собственную усадьбу я никогда не сочувствовал. Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужно телу, а не человеку. И говорят также теперь, что, если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбу, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы — те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига.

Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

И это осуждение, это отрицательное отношение к стремлению уйти в собственную усадьбу; которая «те же три аршина земли», отражается в изображении каждого отдельного момента истории Николая Ивановича.

Изображая, каким образом Николай Иванович осуществлял свое желание «купить маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера», Чехов показывает, как герой рассказа теряет черты человечности и становится жалким, одержимым жаждой накопления скопидомом: «Жил он скупой, — рассказывает Иван Иванович: — не доедал, не допи-

Рис. худож. В. Пичугина

И ночью «Николай Иванович не спал, вставал, подходил к тарелке с крыжовником и брал по ягодке».

А. П. Чехов — «Крыжовник»

вал, одевался бог знает как, словно нищий, и все копил в банк. Страшно жадничал. Мне было больно смотреть на него».

Стремление приобрести собственную усадьбу совершенно порабощает в нем живого человека, подчиняет себе все остальные человеческие стремления и желания: «Все с той же целью, чтобы купить себе усадьбу с крыжовником, он женился на старой, некрасивой вдове, без всякого чувства, а только потому, что у нее водились деньги».

В довершение всего Николай Иванович, этот прежде добрый и кроткий человек, становится причиной смерти своей жены, уморив ее излишней скупостью.

Наконец, после многих лет скопидомства и лишений мечта Николая Ивановича осуществляется: имение покупается. Но купленное имение, как иронически подчеркивает автор, мало соответствовало тому, какое рисовалось в неотступных мечтах Николая Ивановича: в имении не было «ни фруктового сада, ни крыжовника, ни прудов с утками», о которых он мечтал: «была река, но вода в ней цветом как кофе, потому что по одну сторону имения кирпичный завод, а по другую — костопальный».

Впечатление неряшливости и отсутствия уюта производит имение Николая Ивановича на Ивана Ивановича в его приезд к брату. «Везде канавы, заборы, изгороди, посаженные рядами елки, — и не знаешь, как проехать во двор, куда поставить лошадь».

Еще более тяжелое впечатление произвели на Ивана Ивановича обитатели новой усадьбы, показанные Чеховым в ступенно неприглядных, почти карикатурных красках: «Иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью... Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью», — сказала, что барин отдыхает после обеда. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг, щеки, нос и губы тянутся вперед, — того и гляди — хрюкнет в одеяло». Этим образом Чехов стремится показать, до какого скотоподобия опускается человек, спрятавшийся «от борьбы и житейского шума» в эгоистическую скорлупу материального благополучия и самодовольства.

Настроение, которое подмечено рассказчиком у Николая Ивановича, тоже претит ему своей самодовольной пошлостью: «Это был уже не прежний робкий бедняга-чиновник, а настоящий помещик, барин. Он уже обжился тут, привык и вошел во вкус; кушал много, в бане мылся, полнел, уже судился с обществом и с обоими заводами и очень обижался, когда мужики не называли его «ваше благородие»... Николай Иванович, который когда-то в казенной палате боялся даже и себя лично иметь собственные взгляды, теперь говорил одни только истины и таким тоном, точно министр». «Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивает в русском человеке самомнение самолюбное», — заключает рассказчик эту часть своего повествования.

Но самое курьезное и одновременно грустное обнаруживает в эпизоде с крыжовником, от которого получил свое название и весь рассказ. Дело в том, что собственный крыжовник был *idée fixe* Николая Ивановича, и без него он не представлял себе ни одного поистине счастливого имения. И вот, в день приезда Ивана Ивановича в усадьбу брата, с кустов, посаженных Николаем Ивановичем, сняли поспевший крыжовник. Иван Иванович рассказывает об этом так: «Вечером, когда мы пили чай, кухарка подала к столу полную тарелку крыжовнику... Николай Иванович засмеялся и минуту глядел на крыжовник, молча, со слезами, — он не мог говорить от волнения, — потом положил в рот одну ягоду, поглядел на меня с торжеством ребенка, который, наконец, получил свою любимую игрушку, и сказал:

— Как вкусно!

И он с жадностью ел и все повторял:

— Ах, как вкусно! Ты попробуй!»

И ночью «Николай Иванович не спал, вставал, подходил к тарелке с крыжовником и брал по ягодке».

Рис. худож. В. Пичугина

«Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате».

А. П. Чехов — «Человек в футляре»

В этом эпизоде с крыжовником Чехов со всей силой показывает, до какой степени уродства и духовной нищеты может довести человека сосредоточение на узкоэгоистических помыслах. Крыжовник становится символом убожества и ничтожности мелкого, собственнического счастья человека.

Таким образом, все звенья рассказа о Николае Ивановиче стремятся подчеркнуть, как отрицательно отражается на духовной личности человека узкоэгоистический, узкоэгоистический идеал жизни.

Идейную направленность основной части произведения (история брата Ивана Ивановича) подчеркивает и маленькое отступление о куп-

це и о барышнике, в котором показывается, как страсть к деньгам к собственности искажает человеческие чувства, доводит людей до чудачества: «Деньги, как водка, делают человека чудачком. У нас в городе умирал купец. Перед смертью приказал подать себе тарелку меду и съел все свои деньги и выигрышные билеты вместе с медом, чтобы никому не досталось. Как-то на вокзале я осматривал гурты, и в это время один барышник попал под локомотив, и ему отрезали ногу. Несем мы его в приемный покой, кровь льет — страшное дело, а он все просит, чтобы ногу его отыскали, и все беспокоится: в сапоге на отрезанной ноге двадцать рублей как бы не пропали».

Итак, основная идея этого рассказика о любителе крыжовника заключается в отрицании мелкособственнических устремлений, суживающих, принижаящих, опошляющих человеческую личность. «Деньги, как водка, делают человека чудачком... Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглое... Человеку не три аршина земли нужно, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа», — такова идея, сформулированная словами самого произведения.

В плане развития этой идеи дается и один из наличных в произведении контрастов: убогой, замкнутой в узком кругу мелочных интересов усадьбы жизни Николая Ивановича противопоставлена «великая и прекрасная природа», о которой говорится в начале произведения и описание которой намечает несравненно более широкие возможности человеческой жизни, чем те, которые использовал Николай Иванович.

Но описав конкретный случай, составляющий основное образное зерно рассказа, рассказчик переходит к собственным мыслям и чувствам, возникшим у него в связи с впечатлениями от посещения усадьбы брата. Он раздражается тирадой по поводу счастливых и довольных людей:

«Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели жизни, получил то, что хотел, который был доволен своей судьбой, самим собой. К моим мыслям о человеческом счастье всегда примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека мной овладело тяжелое чувство близкое к отчаянию. Я соображал: как в сущности много довольных счастливых людей! Какая это подавляющая сила!»

Из дальнейшего в этой тираде вырастает вторая антитеза, новый контраст: счастливые, довольные люди и бедность, нищета, вырождение остальных: «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье».

Эти рассуждения поворачивают тему о материальном благополучии и мелкособственнических устремлениях новой стороной: возникает новая проблема о допустимости счастья и довольства в наличных общественных условиях.

Данный автором контраст (счастливые и несчастные) ставит под сомнение право на узко эгоистическое благоденствие в обстановке го-

подствующих кругом страшной приниженности, бедности и темноты. Развивая свои мысли, далее автор, словами Ивана Ивановича, прямо выражает свое возмущение по поводу тишины и общественного спокойствия, царящих вокруг и как будто подтверждающих законность подобного порядка вещей: «Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущился.. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания»...

Итак, вторая основная идея произведения, проводимая уже не на основе образного показа, а посредством логических рассуждений, сводится к утверждению недопустимости личного счастья, эгоистических забот о личном благополучии и довольстве на фоне общественного неравенства и нищеты. «Счастья нет и не должно быть, — звучит эта идея в дальнейшей формулировке автора, — а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом».

Таким образом, тема узкособственнического идеала разработана в произведении в двух отношениях: влияние собственнического довольства на уровень личности человека (собственническое свинство и личность) и право на него в конкретной общественной обстановке (собственническое довольство и общество).

Характерно, что эта двусторонность мысли Чехова получает неодинаковое отражение в каждом из рассказов, составляющих трилогию.

Ведь, если в рассказе «Человек в футляре», дающем образ человека, совершенно задавившего свою личность всяческими футлярами, доминирует все же протест против его давящего влияния на окружающее общество, если в «Крыжовнике» две стороны — борьба за полноценное развитие человеческой личности и забота об общественном благоустройстве — относительно уравновешены, то в новелле «О любви» недовольство общим порядком вещей ограничено самой темой рассказа.

Намеченные выше идеи, проводимые в рассказе «Крыжовник», составляют его критическую сторону: осуждение тупой ограниченности, пошлой самоудовлетворенности и собственнических тенденций значительных слоев провинциальной интеллигенции. Сложилась эта идейная направленность произведения на конкретной исторической почве. Рост буржуазно-демократических настроений передовой интеллигенции 90-х годов позволил Чехову преодолеть и осудить упадочнические настроения, которые охватили часть русской интеллигенции в годы реакции 60-х годов и которые часто выражались в стремлении уйти в узкий круг забот о личном довольстве, в отказе от участия в общественной жизни и толстовском стремлении «сесть на землю». Слова о том, что человеку не три аршина земли нужно, и упоминание о тяге интеллигенции в усадьбы содержат отголосок борьбы именно с толстовством, которым был захвачен ранее и сам Чехов и преодоление которого еще ярче и полнее отразилось в ряде других его произведений этого периода («Моя жизнь»). В этой борьбе с упадочническими антиобщественными настроениями интеллигенции своего времени заключалась несомненная прогрессивная роль произведения.

Но критическими моментами Чехов в рассказе «Крыжовник» не ограничивается. Потому-то этот рассказ так значителен для раскрытия политической позиции Чехова, что он содержит наметку положительных взглядов автора. В рассказе «Крыжовник» писатель пытается дать ответы на самые острые для интеллигента 80—90-х гг. вопросы.

Показав все убожество жизни, осуждение личности человека, ушедшего от «жизненного шума и борьбы» в полуживотный покой и самоудовольствие поместного существования, и выразив возмущение по поводу «довольных», не замечающих окружающей их нищеты, автор в рассуждениях того же Ивана Ивановича, пытается теперь определить подлинный смысл и цель жизни, которые сделали бы ее разумной и морально непохожей на полуживотное прозябание Николаев Ивановичей, а также наметить пути к ней. Другими словами, автор пытается теперь дать своим современникам ответы на общие и сложные вопросы о том, «как же жить» и «что же делать».

Иван Иванович, который, как и ранее, служит здесь выразителем взглядов автора, считает недопустимым ждать, сложив руки, пока естественный порядок вещей постепенно приведет к подлинно разумной жизни. Иван Иванович горячо восклицает: «Во имя чего ждать, я вас спрашиваю? Во имя каких соображений? Мне говорят, что не все сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Но кто это говорит? Где доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явления, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою на дороге и жду, когда он зарастет сам или затынет его илом, в то время как быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост?»

Что же надо, по мнению Ивана Ивановича, делать «живому и мыслящему человеку», который не хочет ждать, пока «ров» сам зарастет? Что надо делать, чтоб скорейшим путем попасть на ту сторону рва?

Иван Иванович горестно признается, что он сам «уже стар и годится для борьбы», но, обращаясь к своим слушателям (Алехину и Буркину), «умоляющим голосом» призывает: «Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя. Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро!.. Делайте добро!..»

Не успокаиваться в личном счастье, помнить о других и «делать добро» — к этому сводится программа жизни «живого и мыслящего человека» у Чехова, в этом ответ писателя на поставленный им вопрос о цели и смысле подлинно разумного существования. Расплывчатость, неопределенность подобной программы ясны.

Поднявшись в этом произведении до резкого осуждения общественной пассивности и равнодушия к общественным противоречиям, добравшись до самых основных вопросов общественной жизни и деятельности своей социальной группы, А. П. Чехов не сумел дорасти до действительного разрешения этих вопросов, до указания реального выхода из общественных противоречий. Высокие требования к личности человека, утверждение необходимости активного участия в общественной жизни и проповедь гуманизма — вот основная и завершающая идейная суть произведения. Дальше этого Чехов не пошел и не мог пойти, не перешагнув за границы мелкобуржуазной идеологии.

Следствием мелкобуржуазной ограниченности его общественно-политического кругозора является и тот пессимизм, который окрашивает произведение в тон меланхолии и безнадежности.

В рассказе намечено четыре образа: Иван Иванович и Николай Иванович Чампа-Гималайские, Алехин, Буркин. Иван Иванович и его брат Николай Иванович составляют полюсы. Предел духовной ограниченности и общественной инертности представляет герой «Крыжовника», Николай Иванович, о котором мы уже достаточно говорили. Его противоположностью является Иван Иванович, от лица которого ведется рассказ, устами которого произносятся осуждение прозябания Николая Ивановича, из его уст раздаются и те горячие призывы, которые составляют положительную программу произведения. Это лучший из среды интеллигентов, недовольный и ищущий, ясно видящий социальные противоречия и не мирящийся с ними.

Два другие образа (Буркин и Алехин) располагаются, очевидно, между двумя первыми. Один ближе к Ивану Ивановичу (Буркин, рассказавший о «человеке в футляре»), другой (Алехин — главный герой новеллы «О любви») как будто несколько ближе к Николаю Ивановичу. И вот, Иван Иванович, лучший из среды тех, кого вывел Чехов в этом рассказе, настаивая на необходимости борьбы, а не пассивного ожидания перемены к лучшему, вынужден горько признаться: «Я уже стар и не гоюсь для борьбы, я неспособен даже ненавидеть. Я только скорблю душевно, раздражаюсь, досаую».

Говоря о человеке с молоточком, который будил бы совесть счастливых, Иван Иванович с горечью заканчивает: «Но человека с молоточком нет, счастливый живет себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину,— и все обстоит благополучно».

И среди тех, к кому обращается Иван Иванович со своими призывами, нет ни одного, кто подхватил бы его мысли и настроение.

«Рассказ Ивана Ивановича не удовлетворил ни Буркина, ни Алехина, — говорит автор: — ...было скучно. Алехину сильно хотелось спать... Умно ли, справедливо ли было то, что говорил Иван Иванович, он не вникал...»

Будить совесть самодовольных и делать добро — некому, — таков печальный вывод, подсказываемый характером образов этого произведения.

В тесной связи с идейным содержанием и настроением произведения находится чрезвычайно интересная композиция рассказа Чехова.

Рассказ открывается картиной природы. Широко, но мягко нарисованный пейзаж, с убегающими вдаль горизонтами, заканчивается передачей мыслей героев о том, «как велика и прекрасна эта страна».

Этот кусок произведения, который можно считать своеобразным вступлением, направлен на создание перспективы к восприятию того, о чем в произведении будет идти речь далее. Убогое, сосредоточенное на мелких интересах существование Николая Ивановича воспринимается как еще более узкое и убогое на фоне «великой и прекрасной страны», горизонты которой так широко очерчены во вступлении.

Дальнейшее образует как бы первый, внешний, если представить его в пространстве, ободок той рамки, в которую вправлен рассказ о любителе крыжовника. Это — картина обложного дождя, создающего то впечатление сырости, неуютности и холода, то чувство нечистоты и неудобства, которые переживают спутники, направляясь к усадьбе Але-

хина. Эта часть рассказа выдержана в том же сером тоне, — в тоне омерзения и скуки, в котором ведется и рассказ о сером человечке, прошедшем бесцветную и бессмысленную жизнь в неуютной усадьбе. Повторяясь в конце («Дождь стучал в окна всю ночь») и образуя, таким образом, законченную рамку, мотив дождя заключает рассказ, усиливая то настроение безнадежности и грусти, которым отмечен тон рассказа.

Купанье в реке составляет переходный момент ко второй внутренней раме, на непосредственном фоне которой уже выслушивается сам рассказ. В эту раму входит: старый барский дом, красивая Пелагея, величественные портреты генералов и дам в золотых рамах и все то ощущение комфорта и довольства, которое охватило собравшихся в гостиной у Алехина. Впечатление уюта, известной красоты и относительной полноты жизни, которое создается обстановкой гостиной, старинными портретами и присутствием красивой Пелагеи, резко противостоит неприглядности жизни Николая Ивановича в его усадьбе, с толстой, похожей на свинью кухаркой, с кислым крыжовником и всей пошлостью и «неэстетичностью» его существования.

Кроме того, картина гостиной и намеченное в конце отношение к ней и к рассказу Ивана Ивановича собравшихся очень хорошо очерчивают образы чеховских героев этого произведения, обнаруживая до конца их лицо, вкусы и симпатии: «Когда из золотых рам глядели генералы и дамы, — рассказывает автор, — которые в сумерках казались живыми, слушать рассказ про беднягу-чиновника, который ел крыжовник, было скучно. Хотелось почему-то говорить и слушать про изящных людей, про женщин.

И то, что они сидели в гостиной... и то, что здесь теперь бесшумно ходила красивая Пелагея, — это было лучше всяких рассказов». Так вскрывает Чехов безнадежную серость своих героев, их полную неспособность зажечься желанием отдать себя общественному делу. Тяга к мещанскому уюту, «к изящному» перевешивает у них всяческие порывы, находя частичное оправдание в страшной давлении жизни и повседневной суетой (например у Алехина, для которого — не думать и не слышать о сене и дегте — редкая, праздничная возможность). И жизнь прежних обитателей алехинской усадьбы — этих ничем не замечательных генералов и дам — кажется более богатой и красочной, чем безысходно серая жизнь Алехиных и Буркиных настоящего. Но и она недоступна для героев Чехова: она в прошлом. А в настоящем намерк на нее может быть кратким и случайным моментом, когда Алехину представляется редкий повод оставить комнату нижнего этажа, где «когда-то жили приказчики», и подняться наверх в гостиную с портретами в золотых рамах.

Так отражают и композиционные моменты произведения безнадежность взгляда Чехова на окружающую его жизнь и на окружающих его людей: героев нет — они в лучшем случае могут скорбеть и возмущаться, могут мечтать о добре и разумной жизни, но сделать они ничего не могут, даже со своей собственной жизнью, что так хорошо показано в новелле «О любви».